

Талым

Жайлыбай

ЧЁРНЫЙ ПЛАТОК

Поэма-реквием

Не остаются без ответа и плохие деяния, и хорошие деяния.

Ахмет Игуменки

Верьте не тому человеку, который добился правды, а тому, который ищет её.

Андрэ Жид

«...Самая большая ветвь в структуре ГУЛАГа – Карагандинские исправительно-трудовые лагеря (Карлаг) организованы 19 декабря 1931 года на базе совхоза «Гигант», подведомственного ОГПУ – КазИТЛАГ. Центр находился в селе Долинка Карагандинской области...»

«В 1939 году Карлаг по числу заключённых занял девятое место в СССР среди 42-х лагерей НКВД».

(Из источников)

«...Если в местах заключения и тюрьмах подведомственного Главному управлению лагерей НКВД СССР сидело около 4 миллионов осуждённых, то более 1-1,5 миллиона из них прошли через Карлаг. В общем, если в составе ГУЛАГа был 61 лагерь, то Карлаг один из крупных среди них».

(Д. Шаймуханов, С. Шаймуханова. «Карлаг»)

КАРАГАНДИНСКИЙ ЛАГЕРЬ

Остановиться бы, свой бег остановить
И ухватить событий траурную нить.
Земля Алаша, неужели ты извечно
Предел страданий, остров мук, что не избыть?
Но мы спешим и суетимся – шум и гам.
Да что за лагерь был, Карлаг? Зачем он нам?

Ни избалованной девчонке, ни тебе,
Гуляка праздный, ни безродной голытьбе
Не отмахнуться от минувшего! Повсюду
Кровавый век оставил след в твоей судьбе.

Нет, не всегда цвели луга Сарыарки –
Здесь кровь текла по руслу гибельной реки.
Невозвращения корабль уплывал.
XX век, безумный век им управлял.

Под караганником твоим, земля Карлага,
Кромешной тьмы неубывающий провал.

Слепой корабль донине странствует во мгле,
И мы с тобой плывём на этом корабле.

Пусть зло не вечно – слёзы вечные текут.
И вот настал уже как будто Страшный Суд,
И человечество скорбит с землёй казахов,
И я горюю,

только тень Карлага тут!

Она со мною – каждый миг и каждый шаг.
XX век – тюремных зон архипелаг!

Могучий, чёрный драмадер – Караганда!
Тебе споют ещё ветра и ветерки.
Здесь дети Сталина остались навсегда,
Сжимая сердце и сжимая кулаки.

Лежат здесь люди, холод мертвенный согрев.
Здесь пядь любая – страшный сталинский посев.

Мой аргамак,
Мой конь степной – ты вольным рос,
Но говоришь – ты изнурён от бурь и гроз?
В пустыне смерти, где под каждой сопкой – кости,
Где дорогого человека рок унёс,
Ты не нашёл его могилы, аргамак:
Одна полынь кругом, один сухой типчак...

Карлаг – музей.
Стоит там Сталина вагон.
И до сих пор в живых потёках крови он.
Как кость обгрызлую, всё гложет мою совесть
Вопрос мучительный: ведь прошлое – не сон?

Но что мы знаем о минувших временах?
Карлаг печальный – скорбный стих, летящий прах.
Река Ишим,
Река Нура рыдают в голос.
Вы – близнецы мои.

Лицо моё в слезах...

Исходит кровью из открытых болью вен,
Степному ветру подпевает жетиген!¹
Осиротевший ветер плачет над «Алжиром»,

В «Жаланошколе» поднимает чёрный тлен.
Ревёт в «Кенгире», за бараком рвёт барак –
И распускает в скорби волосы «Степлаг»²,
И распускает в скорби волосы «Алжир»,
И распускает в скорби волосы «Кенгир»,
И распускает косы стонущая боль –
И распускает косы мой «Жаланашколь»...

По воле дьявола – лишают счастья всех.
Красавиц песня лебединая и смех –
Мечтой несбыточной в степи Карлага стали.
Казнят за счастье, будто это смертный грех.

Томясь, желтеет Сарысу. И Коктенколь
Раскинул руки, обращаясь к небесам.
От слёз людских
в степи

кругами всходит соль.

Поёт и плачет жетиген, как ветер сам!

Лицо у дьявола – зловоние и гной.
Плывут, сгущаясь, облака над головой.
Карлаг – ты чёрное пятно на сердце века,
Ты ужасаешь мир и мёртвый и живой.

Простите, матери!
Мой брат, прости наш дом!
Пусть говорят надгробья в селище пустом.
XX век – на голове твоей повинной
Карлаг чернеет – вдовьим, траурным платком.

***

От воющего ветра Сарыбеля
Доносит степь мне песню «Ерим-ай».
Она качает в юртах колыбели.
Угрюмы дни
И в тучах отчий край.
На лицах – траур.
Чёрный лес – печален.
Черна окрестность – где ни посмотри.
Кобыз играет. Ищет изначально
Лик небосвода, свет его зари.

¹ Жетиген – национальный инструмент.

² «Алжир», «Жаланашколь», «Кенгир», «Степлаг» – лагпункты Карлага.

Когда судьба в тебя свой камень бросит –
 Достанет он в укрытии любом.
 Поёт кобыз. Печалью струны точит.
 Струятся слёзы горестным ручьём
 Из глаз минувших лет...
 О чёрной доле,
 О тех годах когда я говорю,
 То дёргается левый глаз от боли –
 И я от гнева тёмного горю!

И вновь читаю в книгах многотумных
 Писанья хитрых, рассужденья умных,
 И слышу песни сладкозвучных птиц,
 Поющих в клетке...
                                 Так с толпой безумных
 Тону в трясине лгущих мне страниц.

...Потоп мне снился.
 Бурные потоки...
 В реке гремящей колесо арбы...
 С гор Каратау шёл народ.
                                 В дороге
 Перекочёвку смял поток судьбы.

«Но что же делать, миленький? – Судьбина...»
 Эй, ветер, воющий на склоне дня,
 Ты горе горькое в степи полынной
 Не делай горше, не томи меня!

Когда б разумным был на самом деле,
 Предупредил вчера бы о беде.
 И если не достиг желанной цели –
 Не удержал судьбу в своей узде,
 Не жди, что расстелю я на дорожку
 Благие пожелания, не жди!

«Мы – смертны.
 Мы уходим понемножку.
 Один исход начертан впереди.
 Дни подданства покорству научили...»

Пустой пример, ведь терпелив и скот.
 Э-гей! Сарыарка!
                                 В потоках пыли
 Кочёвка терпеливая бредёт.

Край миражей, в большом пути усталом
Рождённый от разлуки и тоски.
Мелькает перевал за перевалом.
Солончаки, барханы и пески.

Верблюды-самцы, горбом качая белым,
Казался аргамаком из мечты.
И моя птица белая пропела,
Крылами помахала с высоты:

«Жёлтый перевал Сарыарки
Даже Аблайхан не одолел.
Его земли нынче далеки.
Что ещё узнал он? Что прозрел?»

Заря плыла по бархатным долинам.
В ущелье каждом находил сардар
И добрый кров – с обычаем старинным,
И угощенье, и цветенья дар.

О степь моя! Была ты ясноликой.
Теперь и ты землёю стала дикой:
Ты, облизав, попробовала кровь.
Ну, что за время!
Что за век!

Великой
Была надежда.

И хочу я вновь
Связать её оборванные нити.
...Преступник ли, кто бился за Яик?
Кто за Едиль вставал, кто был воитель?
Мечту вернувший – навсегда велик.

Не лечит время и не сушит слёзы.
В кручине, в скорби смертный человек.
Глотали бездны.
Обжигали грозы,
Когда погибла правда в страшный век.

Казалось, это вечно будет длиться.
Мир колыхался, словно хвост лисицы,
И ускользал, и ускорял свой бег.

Ты чист и честен – будешь виноватым.
XX век – сгибал и сильных он.
Печальных стонов долгие раскаты
Доходят к нам из канувших времён.

Карагандинский лагерь – не Карлагом,
МРАКЛАГОМ встал ты из пучины зла.
Измерена земля кровавым шагом
Твоих страдальцев.

Здесь она прошла,
За вереницей чёрной – вереница:
Казак и русский,
Немец и еврей.
Неужто песня, вольная, как птица,
Могла в одно мгновенье превратиться
В точило смерти?

Вей же, ветер, вей!
Неужто песни жизни отзвучали?

Когда настал великий судный час –
Споём всем миром «Реквием» печали,
Оплачем жертвы скорбные сейчас!

Год оттепели поднял свои стяги –
Стихи звенят, и пролетают дни
Быстрей ракет.

И вновь полны отваги
Мечта и счастье, и спешат они!

Всё движется вперёд – жизнь не остыла.
И общество людей, что долго было
Чудовищем безухим, – рвётся в даль.

Полынь, ковыль, шум ветренный кизила
Скрывают тайну – радость и печаль.

И если в «Карабасе», высь приблизив,
Вновь карагач играет на кобызе,
То, наклоня заросли свои,
Как сто свирелей, воют кураи...

ВОРОТА КАРЛАГА

В Карабасе...
Тень виселиц. Качается петля.
Здесь вешались.
И грызлись, как собаки,
За скудную еду.

Горит земля.
И всюду горя и насилия знаки.

В Карабасе...
Здесь пили кровь живую палачи.
А ты, пацан, не знаешь, так молчи!

Пусть место скорби заросло травой.
Богатством недр прославились пределы.
И здравствует народ.
Но росчерк свой
Здесь век оставил на страницах белых.

Перрон. Следы от кирзовых сапог.
Овчарок лай. Тяжёлый топот ног.

Пятно столетья...

Дремлет Карабас,
Не поднимая каменные веки.
Приснятся ли ему в дремотный час
Великих слёз несохнувшие реки
И лики благородные – они
Святыми стали среди людского моря.

Коньртобе – ты задремал в тени,
Но Шерубай-Нура кричит от горя.

В степях Сарыарки...
Ликует жизнь! Так вволю наслаждайся!
Броди в лугах, по берегу реки,
Гляди на небо и в траве валяйся,
Но помни: здесь мирского горя ось –
Оно потом по свету разбрелось...

В Карабасе...
Нет заключённых,
Нет и палачей,
И виселиц не видно – только тени.
И прокликает ужас тех ночей,
Клянёт кровавый отблеск тех мгновений
Мой Карабас...

Но выстоял Алаш,
Как нар могучий, вышел к дням желанным.
Когда приедешь в край привольный наш,
То поклонись могилам безымянным...

КЮЙ АХМЕДЖАНА САРМАНТАЙУЛЫ
«58-я СТАТЬЯ»

Скорбные времена...
Скорбные времена...
Скорбью земля полна.
Трудное время рыданий,
Воплей и причитаний –
Нет у страданий дна.

Берег. Коварный обрыв.
Там Бауршин поскользнулся.
Слова неверного взрыв
Сплетней-пожаром взметнулся.

Спорщик не знает узды.
Плохо, коль дождик не льётся,
Плохо, коль враг заведётся
Там, где не знали вражды.

«Лето придёт за зимой.
Птицы вернутся домой,
Все – только гуси вначале...»

Ходят повсюду за мной
Песни великой печали.
Только возьму я домбру –
Плачем уже зазвучали.

Солнце летящего дня,
Словно гнедого коня,
Я оседлаю.

По струнам
Быстрой ударю рукой –
Выльются горем-тоской
Долгой мелодии струи.

Душу свою изолью.
Эй, не тужи! Я пою!
Счастье опять прозеваю...
Горестны песни мои.
С ядом язык у змеи –
Ей молока наливаю.

Прав ты иль вновь виноват,
Стар ты, а может быть, млад –
Выживешь нынче едва ли.

Нет превосходства ни в чём...
И пощадит ли потом
Гром на глухом перевале?

Плачет, рыдает струна.
Ты не святыня – страна.
Слово теперь – не святыня.
Песня зовётся моя
«58-я Статья».
Ей отвечает пустыня...

КЫЗЖЫЛАГАН³

Печален ветер, стонущий от боли.
Печальный день, как колокол, гремит.
И здесь, на берегу «Жаланашколя»⁴,
Сидит и плачет девушка навзрыд,
Грудь завязав платком своим сиротским,
Чтоб не текло, как слёзы, молоко...

Здесь лагерь жён.
Палач с обличьем скотским.
Насилье.
Глум.
Безжалостное зло.

Печально воет ветер над «Алжиром».
И коль тебя достигнет ураган,
Услышишь стоны девичьи над миром,
Ведь имя той земли – Кызжылаган.

Все матери здесь распустили косы.
Раскачивает землю скорбный стон.
XX век давно уж под откосом,
Но ураган доносит плачи жён.

Здесь лучшие из лучших пропадали.
И многие нашли здесь свой конец.
Плисецкая Рахиль⁵ бредёт в печали.
И Кульжамал⁶ пасёт в степи овец.
Здесь и жена Рыскулова Турара –
С потрескавшихся губ слетает вздох.
Где нежность с красотой? – степным пожаром

³Кызжылаган – (букв.) девица плачет.

⁴«Жаланашколь» – один из лагерей «Алжира».

⁵Рахиль Плисецкая – советская актриса, Народная артистка СССР, мать всемирно известной балерины Майи Плисецкой.

⁶Кульжамал – жена Беимбета Майлина.

Всё выжжено.

Источник дней засох.

Нет лебедей, где нет озёрной глади.
 Нет песен там, где нет счастливых дней.
 Как род людской с душой своею сладит,
 Коль обесчестил наших матерей?
 Коль мразь и плут бесчинствовали в мире?
 Коль царствовали злоба и обман?

Трава от ветра клонится в «Алжире».
 Рыдает с ветром степь Кызжылаган.

Кызжылаган... Кызжылаган... навечно
 Пронзила землю слёз девичьих соль.
 Над временем восходит быстротечным,
 Как памятник слезам, – Жаланашколь.

КАРТИНА ИРИНЫ БОРХМАН «ПРЕРВАНЫЙ ВИЗИТ»

Пуста лужайка. Ветер вырвал травы,
 Как волосы на лысой голове.
 Летит, ревет. Нет на него управы.
 Степь оголил. И свищет в синеве.
 На суд судьбы и дерево попало,
 Что одиноко высылось в степи...

Великое искусство так сияло,
 И блеск его подлунный мир слепил!
 Её картины вспыхнули зарницей –
 Смеялась жизнь, не зная печаль.
 Погасли краски...

Если Штарнберг снится –
 То хмурит брови, глядяваясь в даль.

Летят ветра, свистя и завывая.
 Бураны заметают путь домой.
 Оборвала мечты недоля злая.
 Надежды мёрзнут. Серый день с тобой.

Судьба в степи метельной заплутала...
 Хоть бурю жизни ты пережила,
 Состарилось перо твоё, устало.
 Твоя пустыня выжжена дотла.

Маячит в ожиданье молчаливом,
Темна и одинока, как и ты,
Тень дерева под глинистым обрывом,
От ветра растерявшая листы.

Как мир заморозить из заточенья?
Как свет его увидеть из могил?
Река замёрзла. Дни проходят тенью.
Просёлок снег глубокий завалил.

Изгнание.
С тобою осудили
И твой талант. Вы узники теперь.
Огонь в «Просторном»⁷ нынче запалили.
Он пепельный – как цвет твоих потерь.

Ни почестей.
Ни памяти.
Пустынна
Сомнений ночь и мстительная мгла.
Вот «Прерванный визит» – твоя картина.
Уж не судьбу ли ты так назвала?

МОГИЛА «МАМОЧКИНО»

В этой могиле похоронены тела женщин и детей – заключённых «Карлага». Могилы расположены на территории пос. Жартаб Абайского района Карагандинской области.

В «Карлаге» вместе со взрослыми отбывали срок и дети «врагов народа». Новорожденных отбирали у матерей и сдавали в детские комбинаты. И там были вахты, ворота, бараки, колючая проволока. Они ничем не отличались от обыкновенных зон. В «Карлаге» существовало семь таких учреждений.

По данным архива, в таких домах детская смертность была очень высокая. Например, в 1941-1944 гг. погибло 924, а в 1950-1952 гг. – 1130 детей...

...Кто в ответе за те злодеянья?
Век-безумец, жестокости век!
Всё похищено – детства сиянье,
Смех и радость, любви обожанье.
Как вернуть их? – Скажи, человек!

Когда в далях небесных витает
Птица-Муза – я вижу опять:
Детский лик в облаках проступает,

⁷«Просторный» – точка Карлага.

Смех младенца меня окликает –
Как не вздрогнуть и как не узнать!

Ищут тень в суховой. От росточка
На весеннем зелёном пруте
Сад бы вырос.

Но сорвана почка,
Но в могильной она темноте.

Среди кладбища вдруг настигает
Детской песенки голосок –
И сжимается сердце, и тает,
И мне студит морозом висок.

Век-злодей! Ты промчался галопом,
Всех топча и огнём ослепив,
По дорогам кривым и по тропам,
И по скользкой от крови степи.

Пролетариев звал к единению...
Где они? Почему не спасли,
Почему они отдали тленью
Матерей и младенцев земли?

Воздух чист, по-весеннему ясен.
Бог и люди, прощает вас всех
Это кладбище в скорбном Жартасе,
Где я слышу то всхлипы, то смех.

Помаши на прощанье рукою!
Ты сюда возвратишься не раз.
Но я болен такую тоскою –
Ломит кости при встрече с тобою,
Край могил материнских, Жартас!
И я больше сюда не приеду...

ГАРМОНИСТ. 1973.

В твоих глазах, моя степная родина,
В твоих ночах, моя Караганда,
Как чёрная, как дикая смородина,
Темнеет глубоко печаль-беда.

Малай-татарин пел речитативами,
Выкрикивая горькие слова.
Его гармонь играла с переливами,
Сжимаясь, как подбитая трава.

Не попевала за певцом, бывалая,
Не выбирала горестный мотив.
И выцветших мехов полоска алая
К нам донесла тех слов речитатив:

«...Свирепая вьюга вокруг.
Дойти бы, увидеть бы дом.
Темнеет в снегу Майкудук.
Но коль доберёмся, мой друг,
То свечку и в бурю зажжём!

Далёк и порог, и ночлег.
Когда б я не выжил – не пел!
Бурана свирепого снег
Засыпал могильный предел.

В «Жартасе» я холмик найду –
Пусть там полумесяц стоит,
Пусть кличет ночную звезду
И греет холодный гранит.

Я камень поставлю для вас,
А вы поклонитесь ему.
Здесь матери скорби, Жартас!
Здесь канули дети во тьму!»

Прохожие глазели на татарина –
Понравилась тебе печаль-тоска?
Она степным дождям давно раздарена –
Их проливают с неба облака.

В сырых бараках плачет, неповинное,
Томится детство. Слышишь этот плач?
Проходит жизнь своей дорогой длинною,
И нет ответов у её задач.

Гармонь рыдает. Парень надрывается.
И песня-плач всё льётся, не кончается.
Жестока жизнь, и путь времён тернист.
Тюремное сурово мироздание.
Но гармонист не узник – он страдание,
Он – сын Карлага.

Плачет гармонист...

КАМЕНЬ И ПИЩА

«...Однажды утром, зимой, мы шли из Жаланашколя и тащили на спине связку камыша. На дороге встретились бедно одетые местные люди. Рядом с ними были дети. Увидевшие нас взрослые что-то сказали детям, и дети тут же стали кидать камни в нашу сторону. Конвоиры сказали: «Вы заметили, что вас ненавидят не только в Москве, а ненавидит всё человечество!» – и стали громко смеяться. Женщины-заключённые возмутились: «Это ли воспитание, которое они дают детям?» Я упала, споткнувшись, на один из этих, брошенных в нас камней и как будто уловила запах молока и творога. Когда откусила кусочек от камня, он оказался таким вкусным – язык проглотил. Словом, собрала я камушки и принесла в барак. Женщины-казаики в бараке объяснили, что это не камни, а высушенный творог – курт».

Из воспоминания заключённой «Алжира» Гертруды Платайс.

...Драгоценнее камня на свете
Не отыщешь, наверно, вовек,
Чем солёные «камешки» эти,
Что для пищи слепил человек.

Среди звёзд она будет Плеядой,
Степь – страна родовитых племён.
Она вышла живую из ада,
Кочевала сквозь пламя времён.

Наши матери курт отжимали –
Это любящих пальцев печать.
Утолял он тоску и печали.
Кто упал – поднимался опять.

Строки ожили. Пишет Гертруда.
Как стихи, её память ведёт.
Знак любви, знак великого чуда –
Этот курт, что придумал народ!

От зари ждёшь добра и сиянья.
В это утро над Сарыаркой
Были дали светлы и бескрайни
И повсюду разлился покой.

Русло жизни наполнено светом,
И арба тянет груз бытия.
Твоя память пришла за ответом
В эту степь,

где Отчизна моя.

Пусть расскажет о стонущей вьюге,
О ребёнке, что бросил вам курт,
О казахском, неведомом друге,
О тепле приютивших вас юрт.

Пусть расскажет германцам, Гертруда,
Эта степь, что такое любовь.
Никакая метель и остуда
Не убьют, не разделят нас вновь.

Эх, ты степь, в ковыле да полыни!
Верблюжонок ревёт на заре –
О минувшем, об утренней стыни,
О печали на нашем дворе.

Белый конь пусть о прошлом расскажет.
Кобылицу, что снега белей,
Пусть хозяин покрепче привяжет.
Были вьюги – но не было злей.

За добычей охотник крадётся.
Он коварен, ведь он – человек.
Пусть вовеки слеза не прольётся
И не властвует алчность вовек.

Мой оглан⁸ соплеменников выше.
Из полынных пределов он вышел.
И он ел у отцовских дверей
Курт, солёный от слёз матерей.

Отжимали, на солнце сушили.
И глаза мои слёзы пролили –
Солон курт и от песни моей.
Для него все родные, все люди.
И никто обделённым не будет –
Степь не бросит вослед вам камней!

Это вам не баланда в бараке,
Окрик злой и для смертников ров.
Сострадания добрые знаки –
Курт и лица моих степняков.

О, потомки седельцев Карлага!
Всё вам снится ребёнок-казах,
Курт спасительный в детских руках...

---

⁸ Оглан – джигит, батыр.

Стёрлись перья. Истлела бумага.
Только память бессмертна в веках.

И в окрестностях Жаланашколя,
Над землёю страдальцев святой,
Пусть народной поднимется волей
Лучший памятник золотой:
Мать-казашка. Бесстрашные дети.
«Камни» курта у ног лагерей...

Драгоценнее «камешков» этих
Нет, наверно, на свете камней.

Лист окончен. Письмо дописала.
Всё прошла, пролистала сначала,
Отделяя от правды обман.
Всем Гертруда теперь рассказала,
Что в пустыне, где смерть лютовала,
Есть страна доброты – Казахстан!

ЧЁРНАЯ КНИГА КАРЛАГА

Взлетели голуби души.
Бессонна ночь и терпелива.
Страница жёлтая шуршит –
Листаю вновь дела архива.

Сгущался зной. Ложился снег.
Пожаром осени метались.
И стал архивной пылью век,
Но пятна белые остались.

Хоть мир менялся, и не раз,
Но словно в солнечном затменье
Он был.
И я в воображенье,
Я в мыслях доберусь сейчас
В «Акой».

А вот, через мгновенье,
Уже сверну, нырну во тьму –
И снова попаду в «Бурму»!

Промчались годы. Прах остыл.
Но каждый день и шаг – в печалях.
Какие судьбы век сгубил,
В Бутырке
И в Колымских далях!

Пытал.
Уродовал.
Ломал.
И после, отпустив на волю,
По следу шёл. Как зверя, гнал.
Травил, как зайца в чистом поле.

Был Мрак – Гоненья начались...
В перекочёвке вечной жизнь.
И ты, оставшийся в «Батыке»⁹,
И ты, Ишимской став землёй,
По свету странствуешь со мной
Печалью горькой и великой.

Я часто думаю о том,
Когда бы в пятьдесят восьмом
Я не родился – то со всеми
Пошёл по «58-й»,
И, может, не был бы живой
И надо мной глумилось время.

Мне повезло.
Смирюю вновь
Себя, восставшего, как море.
Мы – ветки дуба. Нашу кровь
Питают соль мирского горя.

Мы помним – каждый человек,
И злодеяния, и блага,
И тот, казахов чёрный век,
И Книгу Чёрную Карлага.

КОНЫРТОБЕ¹⁰

Среди заключённых Карлага вместе с учёными и философами сидели более 1000 артистов, 360 пианистов, около 100 художников.

Серая степь – ни конца нет, ни края.
Мрачная, стылая, серая даль.
Тучи проходят, дождя не роняя.
Тучи проходят – а в сердце печаль.

Бурая сопка. Невзрачное взгорье.
Коныртобе – каждый век, каждый год

⁹«Акой», «Бурма», «Батык» – точки Карлага.

¹⁰Коныртобе – букв. «Бурая сопка».

Чёрной ладонью лежит плоскогорье.
Жизнь-караван неприметно идёт,
В тучах песчаного жёлтого праха,
Под аруаны и рёвы, и стон.
Но лишь завидит кочёвку казаха,
Рвётся душа за потоком времён.

Что это, что в сером воздухе мгlistом?
Скорбные звуки над миром звучат.
Встали из пепла, сошлись пианисты –
Было их триста шестьдесят.

Пальцы незримые клавиш коснулись,
«Реквием» грянул. Он плакал и пел.
В дулах карателей пули проснулись –
Вновь ураганный огонь прогремел.

В балке вода синим оком сверкнула.
В плачущей балке вода замерла.
Встали печальные люди аула,
В лагерь вошли и спалили дотла
Бочки, где плоть человечью солили
Нелюди, нечисть, исчадие зла.

Силы возмездия меч обнажили!
Птица-душа моя в небе парит.
Живы убитые!
Пусто в могиле –
Так она песней своей говорит!

Дух человечества вечно свободен.
Нет для него ни оков, ни преград.
Снова по сопкам темнеющим бродит
Пёстрый театр – там поют и шумят.

Снова артисты казнённые с нами –
Музыку жизни играет рука.
Если в коптилке колеблется пламя –
В небе кочуют легко облака.

Злая фортуна осталась когда-то
Здесь, на холмах, где колючки звенят.
Коньртобе, будет светел твой взгляд,
Имя твоё в человечестве свято!

ТРИ УДАРА ПО СТРУНАМ

Жаланашколь.

Бидаик.

Дария...¹¹

В небо взлетевшая птица моя!

Мир облетев, возвращайся в гнездовье.

Чёрный платок и рыдание вдовье

В песнях моих настигают меня.

Век свой последний прошёл перевал.

Сталина,

Берии нет

И Ежова.

Корм я птенцам по утрам рассыпал,

Птицу с руки я прикармливал словом.

Буду в ладонях лелеять я птах.

Только на сердце запёкшейся раной,

Чёрным пятном – оживающий прах

Жертв лагерей.

Из ночного тумана

Двигется, движется чёрный отряд,

Тех, кто расстрелян,

Повешен,

Распят.

Двигется, движется чёрный поток,

Тех, кто в холодных степях изнемог,

Тех, кто убит или вышел калекой.

Чёрный Карлаг – словно чёрный платок

На голове отстрадавшего века.

Перевела с казахского Надежда Чернова

¹¹«Жаланашколь», «Бидаик», «Дария» – точки Карлага.

